

ВО ВЛАСТИ ПРИЗРАЧНЫХ ИСТИН

История научной мысли знает немало примеров резкого, порой непримиримого противостояния различного рода концепций, теоретических построений, объяснительных схем. В наше время такая непримиримость наиболее драматично проявляется в биологической науке, сотрясаемой время от времени столкновениями эволюционизма и креационизма.

Креационизм берет начало в мифологических представлениях о сотворении мира. Его античная версия изложена в диалоге Платона «Тимей». В средние века он распространился на биологию и занимал в ней господствующее положение вплоть до XIX века. Креационизм хорошо сочетался с неоплатоновским учением об эманации, изображавшей развитие мира как движение от высшего (Единого, Божества) к низшему (Уму, Душе, Материи), от более совершенных форм к менее совершенным, от сложных к простым. Нарисованная неоплатониками картина мира представляла собой, говоря словами Гегеля, эпоху, постигнутую мыслью. А эта эпоха (III–V вв. н.э.) была отмечена распадом Римской империи, разрушением последнего очага рабовладельческой цивилизации. Но поскольку иной цивилизации человеческая история в то время не знала, крушение рабовладельческого Рима воспринималось как всемирно-историческая катастрофа, не оставлявшая людям каких-либо надежд на светлое будущее.

Но эпохи сменяли одна другую, и все их важнейшие особенности также постигались мыслью. К XVIII веку

стало очевидно, что история человечества – это не какое-то однослойное образование. Даже на поверхностный взгляд было ясно, что, скажем, рабство, а тем более феодализм – более высокая ступень, чем период варварства и дикости, названный впоследствии первобытно-общинной формацией, а общество свободного предпринимательства, ломающее закосневшие сословные перегородки – более высокая общественная форма, чем феодализм. Появилась возможность рассматривать историю как бы в вертикальном разрезе, и вскоре были созданы соответствующие теоретические исследования. Так, итальянский философ и историк Дж.Вико выделяет в истории каждого народа и каждой цивилизации три периода – божественный, героический и человеческий. Вольтер вводит в науку понятие философии истории, а Кондорсе разрабатывает теорию общественного прогресса. Однако пока становилась на ноги философия истории, сама идея прогрессивного развития довольно быстро проникла в естественные науки. В 1755 г. И.Кант издал книгу «Всеобщая естественная история и теория неба», в которой изложил свою гипотезу об образовании планет солнечной системы из первоначального диффузного облака – вращающейся туманной массы шаровидной формы. В книге Канта, писал впоследствии Ф.Энгельс, Земля и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени. Из их истории были изъяты идеи творения, первотолчка и вообще все то, что держало науку в плену у теологии.

Но если сама Земля является результатом развития, становления, «то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве – в форме расположения одного подле другого, но и во времени – в форме последовательности одного после другого» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.20. С.351).

Оптимизм Энгельса проистекал из настойчивых попыток зачислить в ряды единомышленников-материалистов наиболее крупных философов и ученых. Сам же Кант был в своих претензиях гораздо осторожнее. Множество вещей, развившихся на основе законов в прекрасное и стройное целое, писал он, неоспоримо свидетельствует о том, что в материи изначально заложено стремление к совершенству, что, следовательно, «она подчинена некоему мудрому замыслу, она необходимо была поставлена в такие благоприятные условия некоей господствующей над ней первопричиной» (*Кант И.* Соч.: В 6-ти томах. Т.1. М., 1963. С.117). Однако, отдавая должное законам механики, тридцатилетний Кант видел и их ограниченность. Легче понять образование всех небесных тел и причину их движений, отмечал он, «чем точно выяснить на основании механики возникновение одной только былинки или гусеницы» (*Там же.* С.127).

Может быть, потому, что книга Канта в свое время не дошла до широкой аудитории (по причине банкротства издателя она не поступила в продажу и надолго осталась лежать на складе), его предостережение не оказало заметного влияния на современную ему биологию. К тому же на это время приходится зарождение и довольно быстрое становление палеонтологии. В результате к XIX веку складываются первые эволюционные учения. Правда, они не были однородными.

Выдающийся зоолог Ж.Кювье, столкнувшись с удивительным много-

образием и изменчивостью ископаемых растительных и животных организмов, попытался дать этому объяснение с позиций так называемого катастрофизма. По его мнению, изменение различных форм жизни на земле происходит в результате грандиозных природных катастроф, случающихся примерно раз в 26 млн.лет. Неспособные существовать в новых условиях растительные и особенно животные формы довольно быстро вымирают, а их место со временем занимают другие, более приспособленные. Категорически отвергая мысль об изменчивости видов, Кювье в вопросе о том, откуда появляются новые живые системы, склонялся к креационизму.

Катастрофизм Ж.Кювье носил, как видим, паллиативный характер и не удовлетворял запросов теоретической биологии. В 1809 г. выходит книга Ж.Б.Ламарка «Философия зоологии». Ламарк, в отличие от Кювье, отбрасывает идею о неизменности видов и противопоставляет катастрофизму трансформизм – учение, рассматривающее развитие растительных и животных организмов как постепенный переход от простых форм ко все более сложным и совершенным. Движущая сила эволюции не привносится в организмы извне: она кроется в самой их организации и выражается в «стремлении природы к прогрессу». Это стремление реализуется в отношениях организма и среды примерно по следующей схеме. Изменение условий жизни ведет к изменению потребностей организма; новые потребности заставляют его переходить к новым видам деятельности и новым привычкам; поскольку бремя приспособления к изменившимся условиям ложится на определенные жизненные органы, они сами начинают изменяться в зависимости от той роли, которая отведена им в борьбе за выживание организма: упражняемые органы развиваются и усиливаются, неупражняемые ослабевают и атрофируются. При этом изменения, приобретаемые под воздействием среды, передаются по наследству. Свою концепцию Ламарк демон-

стрировал, пытаясь воссоздать «эволюцию» жирафа, предковой формой которого он считал животное вроде крупной антилопы. В условиях жестокой и длительной засухи, когда трава и кустарники выгорали, антилопе приходилось питаться листвой деревьев, т.е. тянуться вверх; чтобы обеспечить выживание организма, ноги и шея также стали вытягиваться. На высоте 6–6,5 метра пищевая проблема снимается, и рост животного прекращается.

Трансформизм Ламарка, рассматривавший эволюцию как цепь превращений одних видов в другие, более «совершенные» и «прогрессивные», базировался на двух посылах, которые с самого начала представлялись сомнительными – на возможности возникающих потребностей через соответствующие виды деятельности изменять структуру и функции организма и на передаче по наследству признаков, приобретаемых в онтогенезе. Последующее развитие науки подтвердило, что оснований для сомнений было более чем достаточно. Поэтому ламаркизм не был принят большинством современников, и на какое-то время эволюционизм в биологии оказался в забвении.

Ренессанс эволюционного учения начался с выходом в 1859 г. книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь». Стоя на позициях трансформизма, Дарвин тем не менее не принял идею Ламарка о возможности прямого приспособления организма к среде. В качестве материальных условий эволюции он указывает наследственность и изменчивость, а в качестве ее дви-

жущего фактора – естественный отбор, закрепляющий случайно возникающие в онтогенезе полезные признаки. Поэтому и трансформизм Дарвин понимал не так, как его предшественник: у Ламарка среда производит отбор, *изменяя* структурные и функциональные особенности организмов, у Дарвина среда *устраняет* организмы, утратившие способность к приспособительному поведению. При этом, как подчеркивает Дарвин, унаследованные результаты усиленного употребления (или неупотребления) органов, в свою очередь, усиливаются под влиянием естественного отбора. Отсюда понятно, почему он сохранял особей с более длинными частями тела. «При продолжительности этого процесса «бессознательного отбора», – резюмирует свои рассуждения Дарвин, – ...мне кажется в высшей степени вероятным, что обыкновенное копытное четвероногое могло преобразоваться таким образом в жирафу» (*Дарвин Чарлз. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб., 1991. С.184*). Следовательно, выживают особи, сохраняющие даже в экстремальных условиях высокий уровень самозащиты. Усиливая от поколения к поколению приобретаемые полезные признаки, естественный отбор приводит в конечном счете к появлению нового вида. При этом «он никогда не может делать внезапных, больших скачков, а всегда продвигается короткими, но верными, хотя и медленными шагами» (*Там же. С.165*). Такая медленная, «по крупичкам», трансформация видов получила у Дарвина название градуализма*.

*Дистанцируясь от упрощенных трансформистских представлений Ламарка, Дарвин порой становится на его же позиции. Например, он утверждает, что тесная связь привычки и образа жизни дает начало новому виду. Так из полуобезьян, именуемых «летучими лемурами» (*Galeorhethes*), появились... летучие мыши (см. Происхождение видов путем естественного отбора, с.149). В другом месте Дарвин пишет, что североамериканский черный медведь «плавает часами с широко разинутой пастью и ловит таким образом водных насекомых, почти подобно киту» (*Там же. С.151*). И в первом издании дальше следовало: «...Я не вижу трудности в образовании под действием естественного отбора породы медведей, более водных по строению и привычкам и с более крупной пастью, вплоть до появления существа столь уродливого, как кит» (*Там же. С.428*). Упоминание о естественном отборе не может скрыть «родства» с ламаркизмом. Видимо, поэтому позже Дарвин и убрал фрагмент о «трансформации» медведя в кита.

Учение Дарвина никого не оставило равнодушным и нашло немало сторонников и последователей: А.Р.Уоллес, Т.Гексли, Э.Геккель в Европе, В. и О.Ковалевские, И.И.Мечников, К.А.Тимирязев в России и многие другие. Подкупало казавшееся научно обоснованным, без обращения к высшим силам мироздания, объяснение причин изменения видов. Э.Геккель даже сформулировал так называемый биогенетический закон, согласно которому развитие особи в онтогенезе является рекапитуляцией (воспроизведением) важнейших этапов эволюции группы, к которой относится эта особь. В «актив» эволюционизма было зачислено наличие гомологичных органов, то есть сходных по «плану строения» и развитию (например, крыло птицы и рука человека). В биологии возникло новое направление – дарвинизм, оказавший влияние и на некоторые другие науки.

Но экспансия дарвинизма не ограничивалась научными рамками – он стал символом определенной философско-мировоззренческой позиции. И если эволюционизм вообще противостоит креационизму и религии, то к дарвинизму это относится в первую очередь. Непримируемость креационизма и дарвинизма наглухо блокирует возможность какой-либо «третьей линии» в объяснении происхождения и развития жизни на Земле: признавая одно – отрицаешь другое, и наоборот. Поэтому даже в изначальном своем виде дарвинизм встретил горячий прием у представителей материалистической философии. Ф.Энгельс неоднократно подчеркивал, что теория развития Ч.Дарвина, решающая проблему «более чем удовлетворительным образом» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.512*), явилась одним из трех «великих открытий» (наряду с открытием клетки и закона сохранения энергии), ставших естественно-научными предпосылками марксистской философии. Позже советская философия, бдитель-

но и неуклюже охранявшая устои материализма, вынесла смертный приговор креационизму как учению несостоятельному и реакционному, а дарвинизм сделала частью идеологической доктрины правящей партии. На его критику был наложен запрет. Между тем узких мест в нем было и есть немало.

Если отвлечься от частных, то обозначится общая установка, из которой исходит эволюционное учение: из факта существования определенных живых систем делается вывод об их генетической связи. Конечно, если такая связь установлена и достаточно обоснована, то какие-либо сомнения могут оказаться неуместными. Однако с эволюционным учением все обстоит не так просто. Не располагая убедительными доказательствами генетической связи хронологически отдаленных друг от друга видов, эволюционисты вынуждены строить свои умозаключения с риском сделать логическую ошибку *post hoc, ergo propter hoc* (после этого – значит поэтому): из того факта, что беспозвоночные появились раньше рыб, рыбы – раньше земноводных, земноводные – раньше рептилий, рептилии – раньше птиц и млекопитающих, делается вывод о том, что беспозвоночные постепенно трансформировались в рыб, рыбы – в амфибий, амфибии – в рептилий, а рептилии – в птиц и млекопитающих. При чем эволюция шла по линии совершенствования видов. Для доказательства подобных утверждений и подыскиваются факты вроде гомологичных органов или биогенетического закона. Однако современными исследованиями между гомологичными органами каких-либо генетических связей (например, превращения крыла в руку) не обнаружено. К тому же «общий план строения», во-первых, наблюдается не у всех животных, во-вторых, он может быть истолкован в духе креационизма как осуществление столь же общего «мудрого замысла». Что же касается биогенетического закона, то он сразу же вызвал подозрения, при-

чем не только в научном смысле слова. Дело в том, что в стремлении придать своим рассуждениям видимость закона Геккель пошел на подтасовку фактов: пытаясь доказать, что человеческий эмбрион в своем развитии сначала принимает вид рыбы, затем рептилии и лишь потом вид человека, он подрисовал ему жаберные щели, а позвоночную кость определил как хвост. Когда обман был обнаружен, Геккель дал объяснение, которое до сих пор удивляет смесью откровенности и цинизма: «После признания в содеянном мне следовало бы чувствовать себя осужденным и виновным. Однако я утешаю себя тем, что сегодня рядом с нами – сотни наших соратников, надежных наблюдателей и известных биологов, в чьих признанных книгах, статьях и журналах можно столкнуться с фальсификациями, аналогичными моим, а также с некорректными данными, с более или менее искаженными, схематизированными и пересмотренными иллюстрациями» (Цит. по: Харун Яхья. Обман эволюции. М., 2000. С.125). Ученый совет Йенского университета, где работал Геккель, вывел его из состава профессуры.

Эволюционное учение не только не имеет надежного теоретического обоснования, но и не подтверждено практикой. Книга Дарвина о происхождении видов буквально переполнена оговорками типа «я вполне допускаю», «не подлежит сомнению», «мы можем быть уверены», «едва ли можно полагать» и т.п., подменяющими серьезную научную аргументацию. Справедливости ради следует сказать, что основоположник дарвинизма чувствовал уязвимость своего учения и свел все возможные сомнения в главу «Трудности теории». Эти трудности следующие:

– если все виды произошли от других видов в результате «тонких градаций», то почему мы не встречаем бесчисленных переходных форм?

– возможно ли, чтобы какое-либо животное могло образоваться путем модификации другого животного с совершенно иным образом жизни и строением?

– могут ли инстинкты быть приобретены и модифицированы посредством естественного отбора?

– как объяснить, что виды при скрещивании оказываются стерильными или производят стерильное потомство, тогда как при скрещивании разновидностей фертильность их не страдает?

Сам Дарвин считал отмеченные им трудности «кажущимися», не представляющими опасности для его теории. Отсутствие переходных форм он объяснял «неполнотой геологической летописи» и изолированностью ареалов, в которых происходили эволюционные процессы. В возможность превращения медведя в кита или лемура в летучую мышь он просто верил. Что же касается происхождения инстинктов и преодоления стерильности гибридных форм, то рассуждения Дарвина на этот счет довольно расплывчаты и неубедительны.

Дарвинизм снискал немало упреков за то, что в своих обобщениях он слишком прямолинейно использовал основной познавательный принцип – объяснение неизвестного через известное. Особенно заметно это проявилось в попытках перенести эволюцию разновидностей на эволюцию видов, или, говоря современным языком, закономерности микроэволюции распространить на эволюцию видов – макроэволюцию. Несмотря на то, что разновидности могут изменяться чуть ли не на наших глазах, они всегда остаются в пределах данного вида. Соответственно и естественный отбор не создает новых видов, а лишь способствует сохранению тех, которые есть. Если, например, стадо антилоп спасается бегством от хищников, то очевидно, что слабые или больные отстанут и будут растерзаны, а здоровые и сильные спасутся и дадут жизнеспособное потомство. Но это все-таки будут антилопы, а не особи другого вида, более «сложные» или «совершенные». Кстати, известно, что степень выживаемости организмов часто находится в обратной зависимости от степени их сложности и совершен-

ства. Не случайно микроорганизмы живут в самых невероятных условиях.

Не преодолены «трудности теории», вызванные отсутствием переходных межвидовых форм. Исследования показывают, что после 1,5 млрд. лет господства медуз, червей, не имевших даже подобия минерального скелета, в кембрийский период (ок. 570 млн. лет назад) вдруг и в величайшем изобилии появляются беспозвоночные – губки, моллюски, членистоногие и т.п. В этом плане особый интерес представляет распространенный в кембрии вид членистоногого – вымерший рачок трилобит. Он имел очень сложную и совершенную конструкцию глаза, аналогичную глазу современной стрекозы или пчелы, и в условиях эволюции на создание подобного органа потребовалось бы несколько сот миллионов лет. С другой стороны, многие животные, окаменелые останки которых насчитывают 200–400 млн. лет (акулы, тараканы, муравьи и др.), существуют и поныне, но ни одно не эволюционировало в какой-либо иной вид.

«Кембрийский взрыв» не является исключением в хронологии земных организмов. Точно так же вдруг, без каких-либо переходных форм, в конце ордовика появляются рыбы, в каменноугольном периоде – земноводные, в триасе – пресмыкающиеся, в меловом периоде – птицы, в третичном (ок. 66 млн. лет назад) – млекопитающие. Переходные формы так и не обнаружены, и все попытки выставить в этой роли более или менее «подходящие» экземпляры оказались тщетными. Долгое время переходной формой между рыбами и земноводными считался целакант – кистеперая рыба, найденная в девонских слоях. Предполагалось, что целакант имел примитивные легкие, системы кровообращения и пищеварения, а также мясистые плавники, позволявшие ему выходить на сушу и перебираться из одного водоема в другой. Однако в декабре 1938 года недалеко от Коморских островов был выловлен живой целакант, получивший название латимерии. Это

была рыба, причем живородящая, обитающая на глубине 180 метров и потому никогда не стремившаяся выходить на сушу. Всего было выловлено более 200 экземпляров этого вида, но у них не было обнаружено ничего, что отличало бы их от рыбы.

Аналогично обстоит дело и со знаменитым археоптериксом – зубастой птицей, имевшей когти на крыльях. Его считали переходной формой между летающими ящерами и птицами. Но, как выяснилось, археоптерикс – это вымерший вид птицы, не состоявшей в генетическом родстве с рептилиями, даже летающими: ящеру крыльями служили лапы с перепонками, археоптерикс же имел обычные птичьи крылья с перьями. То, что у него были зубы и когти на крыльях, также ничего не доказывает. Во-первых, судя по находкам, зубастые птицы жили и в более позднее время, поскольку были довольно распространенными животными. Во-вторых, в одно время с археоптериксом жили птицы, не имевшие зубов. В-третьих, зубы не являются непременным признаком рептилий – среди них есть и беззубые. Что же касается крыльев с когтями, то они есть у современных птиц турако и гоацина, обитающих в лесах Африки и Южной Америки. Устойчивость вида в течение всего своего существования и внезапность появления новых видов – вот что демонстрирует современная палеонтология. И здесь градуализм Дарвина ставится под сомнение. Прав ли Кювье? Время покажет.

С возникновением генетики четко обозначилась причина, устанавливающая границы внутривидовых изменений. Это генный комплекс, механизм наследственности, носителем которой является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК). Генетическая информация чрезвычайно устойчива, и никакие микроэволюционные изменения пока не могут перекодировать ее в генетическую программу другого вида. Тогда дарвинисты ввели в эволюционное учение понятие полезной мутации и создали «синтетическую теорию эволюции», или СТЭ. Суть ее сводит-

ся к попыткам доказать, что новые виды могут появиться в результате изменений в генах, возникающих в результате изменений среды. В качестве дестабилизирующего фактора могут выступать радиоактивное излучение, химические воздействия и т.п. Они вносят изменения в молекулу ДНК, находящуюся в ядре клетки и содержащую всю генетическую информацию, передаваемую организмам в процессе онто- и филогенеза. Она кодируется последовательностью четырех нуклеотидов, составляющих структуру ДНК, и всякое нарушение этой последовательности ведет к изменению программы, по которой развивается данный организм. В результате на свет появляются мутанты. Если мутации выглядят как патологии, то такие организмы устраняются естественным отбором. Но могут ли мутанты обладать какими-либо полезными признаками, дающими им преимущество перед предковыми формами? Подсчитано, что вероятность получения только одного такого признака составляет $1:10^{275}$. Не случайно как ни пытались в первой половине XX в. расшатать наследственность плодовой мушки дрозофилы, ничего из этого не вышло: различия между мутациями были слишком незначительны, чтобы можно было говорить о каких-либо эволюционных сдвигах. Зато опыты с дрозофилами дали многочисленные поколения уродливых особей. Как отмечают исследователи, «только некоторые из созданных генетиками чудовищ смогли продолжить свое существование вне сосудов, в которых они содержались. Мухи, которых подвергли мутациям, или погибли, или были изувечены, или же стали бесплодными» (Pitman M. Adam and Evolution. London, 1984. P.70).

Противоречивый характер эволюционного учения заставляет пересмотреть и многие концепции антропогенеза. В философских трудах, в учебной литературе советского периода усиленно пропагандировалась так называемая трудовая теория происхождения человека и его сознания, оказав-

шая влияние и на многие специальные научные исследования.

Основные принципы трудовой теории были изложены в черновой работе Ф.Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Написанная лет через пять после выхода в 1871 г. книги Ч.Дарвина «Происхождение человека и половой подбор», она должна была восполнить существенные пробелы в его эволюционном учении, связанные прежде всего с отсутствием переходных форм между человеком и обезьяной (кстати, Дарвин говорил не о «трансформации» обезьяны в человека, а о том, что они имеют общего предка). В третичном периоде, пишет Энгельс, жила «необычайно высокоразвитая» порода человекообразных обезьян. Они были покрыты волосами и жили на деревьях стадами, т.е. были «общественными животными». Если же случалось спускаться на землю, передвигались на четвереньках. Однако в силу неизвестных причин они стали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и усваивать все более прямую походку. Рука получила свободу, а с нею и возможность производить не только стандартные трудовые операции, но и усваивать «все новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.487). Усваивая все новые сноровки, передававшиеся по наследству, расширяя тем самым познавательные возможности наших предков, рука оказывала обратное воздействие на другие части организма, прежде всего на головной мозг. Поэтому со временем у общественных животных появилось «сознание пользы совместной деятельности», а вместе с тем и потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган – обезьянья гортань преобразовалась в человеческую, способную произносить членораздельные звуки. Так очерчивается пресловутая «гоминидная триада» – переход к прямохождению, развитие руки, эволюция мозга,

ставшего в конечном счете субстратом сознания. А время между ее крайними точками – переходом к прямохождению и развившимся под влиянием руки мозгом – Энгельс отвел существованию гипотетических «переходных существ» – звероподобных созданий, по сравнению с которыми «самые низшие дикари», известные в XIX в., показались бы людьми высокой культуры.

Нам нет необходимости подвергать трудовую теорию специальному разбору: все возражения, касающиеся эволюционного учения (отсутствие переходных форм, невозможность трансляции признаков, приобретаемых в онтогенезе и т.п.), полностью применимы и к ней. Стоит, пожалуй, добавить, что в попытках обосновать «родство» обезьян и человека Энгельс нередко стирает грани между человеком и животным (обезьян он называет общественными животными за их стадный образ жизни, хотя стадо и общество – далеко не одно и то же, животным приписывает «сознательные, планомерные действия», хотя их поведение регулируется биологическими потребностями). Отметим также, что, несмотря на апелляции к Дарвину, статья Энгельса написана с позиций ламаркизма: в ней ничего не говорится о роли естественного отбора в процессе «очеловечивания» обезьяны, зато пространно повествуется, как под влиянием прямохождения перестраивается работа различных органов, как вдруг возникшая потребность «что-то сказать друг другу» повлияла на изменение обезьяньей гортани и т.п. Еще в советской науке ставилась под сомнение мысль о причинной связи между совершенствованием руки (и производимых ею операций) и эволюцией мозга. Если рассматривать перестройку мозга как следствие эволюции в процессе приспособления к трудовым операциям, писал известный антрополог В.П.Алексеев, «то она должна бы выразиться в первую очередь в развитии двигательных областей коры, а не в разрастании лобных долей – центров ассоциативного мышления» (*Алексеев В.П. Становление человечества. М.,*

1984. С.290). Таким образом, роль руки в гоминизации «переходных существ» фактически сводится на нет. Сомнительными выглядят и последствия перехода обезьян к прямохождению, если бы это и было возможно: во-первых, рожденному ходить на четырех ногах освоить прямую походку нельзя ни постепенно, ни тем более сразу, во-вторых, если бы освобождение передних конечностей могло стать причиной эволюции, то австралийские кенгуру давно превратились бы если не в людей, то во всяком случае в более «совершенных» животных. Но с устранением этих звеньев «гоминидной триады» трудовая теория окончательно переходит в разряд псевдонаучных фантазий. Не лучше выглядят и другие концепции, основывающиеся на эволюционизме (гипотезы о происхождении людей от водных обезьян, о воздействии космической радиации на перестройку генного комплекса земных организмов и др.).

* * *

Возникает вопрос: почему эволюционное учение, малоубедительное и противоречивое в своих основаниях, отвоевало себе жизненное пространство в храме науки? И почему ему в качестве единственной альтернативы противостоит креационизм, исходные позиции которого также не очевидны?

Судя по всему, здесь срабатывает причина, которая кроется в противоположности науки, представленной эволюционным учением, и религии, представленной креационизмом. Как известно, наука имеет две точки опоры: опыт и дедуктивную логику. Опыт в научном смысле есть совокупность знаний, полученных при помощи органов чувств. Это сфера практической деятельности человека, не выходящей за пределы эмпирических обобщений. Поэтому результаты опыта могут быть наглядно продемонстрированы, тиражированы и несут общедоступный, или экзотерический, характер. Опытное научное знание во многом обязано такими своими достоинствами, как до-

казательность, практическая полезность и т.п. Дедуктивная логика, необходимая для построения теории, в значительной степени основана на опыте. Религия также держится на опыте и логике, однако их смысл и цель в корне отличны от научного. Религиозный опыт, как его характеризует И.А.Ильин, субъективен и индивидуален, он состоит в «жажде священного», в обращении к Богу, в результате чего человек начинает испытывать «повышенное чувство ответственности» (Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С.57). Религиозный опыт как определенное духовное состояние эзотеричен. Он не доступен ни для созерцания, ни для логического анализа, и в первую очередь это касается акта творения во всех его аспектах. По словам С.Н.Булгакова, «это есть непостижимое дело всемудрости и всемогущества Божия, творческого *«да будет»*, сюда приходит и отсюда отправляется философская дедукция как от некоторой данности, а вместе с тем и тайны» (Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994. С.205). Понятно, что науке здесь места не находится. Зато с ее позиций религиозный опыт часто расценивается как сфера иллюзий, домыслов, а то и преднамеренного обмана.

Не менее конфликтными становятся отношения науки и религии, если дело касается логики. Основываясь на опыте и достоверных логических допущениях, наука развивается по пути приращения знаний. Поэтому для нее естественны и необходимы уточнение понятий, замена устаревших знаний новыми, совершенствование объяснительных возможностей и вместе с тем неприемлемость догматических установок и застоя. Религия же, особенно в своей теоретической форме, покоится на системе догматов, и малейшее

изменение в них воспринимается как великое событие, чаще всего нежелательное. Перефразируя известное изречение, можно сказать: то, что во благо науке, смерть для религии, как и наоборот. Теперь понятно, почему, несмотря на свои слабости, эволюционизм овладел сознанием многих людей: после долгих лет господства креационизма, сковывавшего творческие усилия исследователей, открылись возможности для научного поиска. Ко всему прочему, в ряде государств, как, например, в СССР, эволюционное учение стало составной частью тоталитарной идеологии.

В наше время проблему происхождения видов вряд ли стоит укладывать в прокрустово ложе дихотомической альтернативы «либо-либо», как это было до сих пор. Такое противостояние не принесло пользы ни науке, ни обществу. Не исключено, что возможны и другие решения, в том числе компромиссного характера. Нельзя не считаться с тем, что воспринимается как неоспоримый факт: «Попытки создать универсальную теорию развития... начиная с эволюции живых существ и кончая эволюцией времени и Вселенной, на сегодняшний день окончились безрезультатно» (Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004. С.170). Если креационизм теоретически бесплоден, то и эволюционное учение тоже не дало результатов. И чем раньше эта истина станет достоянием науки, тем лучше: тогда, возможно, прекратятся попытки любой ценой заполучить аргументы, с помощью которых можно было бы «подписать» довольно призрачные теоретические построения. Пока же исследования движутся явно не в том направлении, которое приводит к истине, и для начала это надо признать открыто и честно.

В.Д.Евстратов,

*доктор философских наук,
профессор КГТУ им. А.Н.Туполева,
заслуженный работник
высшей школы РФ*